

ЕКАТЕРИНА СТЕБЛИЕВСКАЯ

ПО “МЫСЛЕННОМУ ДРЕВУ”

Пётр Ткаченко. Поиски Тмутаракани. По “мысленному древу”: от “Слова о полку Игореве...” до наших дней. Литературно-критическая повесть. М.: Издательство “Звонница-МГ”, 2021.

В Издательском доме “Звонница-МГ” вышла книга Петра Ткаченко, автора известной работы “Трагические судьбы русских писателей”, в которую вошли эссе о Лермонтове, Блоке, Фадееве, Шолохове, Цветаевой, Рубцове, Кузнецове. Новая книга писателя посвящена “Слову о полку Игореве...”, великому памятнику русской культуры, до сих пор до конца не “прочитанному” и не осмысленному. Ни об одном произведении русской литературы не написано столько исследований, монографий, книг, статей, как о нём. В “Слове...” содержится код российской жизни, нашей народной и государственной судьбы.

Но несмотря на определённые успехи в изучении древнерусской литературы в советский период истории, понимание “Слова...” светлой, по сути, к исторической стороне дела. Да и понятно: постичь глубоко христианское творение духа с помощью материалистических установок и атеистических убеждений невозможно. Из современников первых издателей, пожалуй, только К. Ф. Калайдович увидел в нём христианскую, библейскую основу. В последующее время, в 1930-х годах такое понимание отстаивал В. Н. Перетц. Но в силу известных причин, всё изучение памятника пошло по позитивистскому, материалистическому пути. “Слово...” оказалось, по сути, утопленным в этих воззрениях и в “истории”. В наше время, пожалуй, только замечательный поэт и мыслитель Геннадий Карпунин всерьёз прочитывал “Слово...” через христианские образы (“По мысленному древу”, Новосибирское кн. изд., 1989).

Впрочем, теперь наметилась другая крайность — свести толкование “Слова...” к церковной догматике. То есть найти переклички “Слова...” со Священным Писанием и посчитать на этом исследование законченным. Найти же такие переклички — это полдела. Надо ответить на вопросы о том, какое значение они имеют в самом тексте древнерусской поэмы. Ведь подобные исследования грозят загнать изучение “Слова...” теперь уже в религиозную и церковную догматику.

Теперь предстоит новое прочтение “Слова...” именно как величайшего памятника художественной мысли, как проявление духа человеческого огромной мощи, а не пособия и дополнения к исторической науке.

Такое прочтение предпринимает Пётр Ткаченко в литературно-критической повести “Поиски Тмутаракани. По “мысленному древу”: от “Слова о полку Игореве...” до наших дней”. И его книга, без всякого сомнения, станет большим событием, новостью как для специалистов по древнерусской литературе, так и для широкого круга читателей, которым дорога великая русская литература.

Тмутаракань в “Слове...” занимает центральное место. И вовсе не является географическим понятием, но исключительно духовным. Уже хотя бы потому, что она не была целью реального военного похода князя Игоря. “До кур

Тмутараканя” означает до кумиров, до библейских кумиров, то есть неживых богов. Кур – это титулованное, сокращённое слово кумиров. Об этом прямо говорится в “Слове...”, что Тмутаракань – это место болвана. Ветхозаветного, вавилонского истукана. Кумир и болван являются тут синонимами. Молодые князья Игорь и Всеволод и пошли “поискать” Тмутараканьских кумиров – иных, чужих богов. О чём сокрушается великий князь Святослав.

В книге Петра Ткаченко открываются некоторые образы древнерусской поэмы, которые остались для других исследователей непонятными. Так, в начале поэмы говорится, что тогда пускали “десять соколов на стадо лебедей”. Боян же этого не делал, “не десять соколов на стадо лебедей пущаше”. То есть говорится о некоем княжеском деле, в котором Боян не участвовал, так как у него своё дело – поэтическое, “вещие персты на живые струны воскладаше”. Но почему именно *десять*? Это – апокалиптический образ (Откр. 17:12), но имеющий историческую основу.

Поскольку поэма посвящена, прежде всего, вере – её утрате и её обретению, то под “старым Владимиром” имеется в виду великий князь Владимир Креститель Руси. Он же при “выборе веры” по совету “бояр своих и старцев гражданских” отобрал мужей славных и умных числом *десять* для испытания веры: “Идите сперва к болгарам и испытайте веру их”. Десять соколов – это десять славных и умных мужей, которым поручалась миссия чрезвычайной важности – испытание веры для принятия её всем народом. Это было понятно в те времена, так как об этих *десяти* за сто пятьдесят лет до “Слова...” упоминается в “Слове о Законе и Благодати” митрополита Илариона. А название мужей “соколами” – обычное образное выражение. Одни князья в поэме названы “воронами” в негативном смысле, другие – “соколами”. Это обычное образное сравнение в поэзии вплоть до сегодняшнего дня: “Сокол идёт и голубушку клонит // Мимо открытых ворот” (Ю. Кузнецов).

Свою трудную повесть автор “Слова...” ведёт “от старого Владимира до нынешнего Игоря”. На основании чего он сближает великого князя, Крестителя Руси, и удельного князя, отстоявшего от него почти на два века? Признак, на основании которого сближаются князья, один – отношение к христианской вере. Старый Владимир принял христианство. Нынешний Игорь остался верен ему. Поход князя Игоря – это его путь к вере, путь обретения её. От поисков идольских кумиров Тмутараканя до святой Богородицы Пирогощей. Путь обретения веры для князя Игоря оказался тернистым и трудным. Через поражение, разорение Русской земли, реальный и духовный плен. Впрочем, так бывает в жизни каждого человека, вне зависимости от того, в какое историческое время он живёт.

Но насколько фетишировано сегодня понимание “Слова...”? Толкование его образов превратилось в некую занимательную игру “отгадок”. Можно сказать, что изучение “Слова...” зашло в позитивистский тупик. Даже поэты, чуткие к слову, включаются в эту бесконечную и бесплодную игру. К примеру, поэт Дмитрий Воденников, насколько не сомневаясь, толкует “До кур Тмутараканя”, привлекая для этого “Аз и Я” О. Сулейменова и якобы тюркскую основу “Слова...”: “В своей книге “Аз и Я” Сулейменов стёр всю тёмную позолоту с тёмных мест “Слова о полку...”<...> Так вот, “куры” – это просто стены”. Так по-тюркски. Куры города Тмутаракани – это стены города. До которого, кстати, и доскакал один из героев “Слова...” (“Литературная газета”, № 30, 2021). Но даже то позитивистское толкование никаких “кур” в смысле птиц не привлекало для толкования этого образа. “Куры” появились в смысле “до пестухов”, то есть до рассвета, так как Всеслав волком в ночь рыскал. На это так и хочется сказать стихами Ярослава Смелякова: “Ежели поэты врут, больше жить не можно”. Были же поэты, чувствовавшие “Слова...”? Говорят, Сергей Есенин знал древнерусскую поэму наизусть. А его “Песнь о великом походе”, написанная по мотивам “Слова...”, прекрасна, искромётна, завораживает стихией языка даже тогда, когда поэт не прозревал истинный смысл того или иного слова. А тут: “Бегают по городу Тмутаракани куры, квоччут...”.

“Поиски Тмутаракани” Петра Ткаченко стало по-настоящему прочтением древнерусской поэмы. И уж точно – указанием на путь, которым только и можно приблизиться к её пониманию: не только историческое, реально-бытовое, но духовно-мировоззренческое, христианское её постижение. Прочтение поэмы через библейские образы. То есть с точки зрения верований самого автора древнерусской поэмы.

Так и должно прочитывать творение духа.